

УДК 808. 2 (07)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОЦЕНОЧНОГО ПРЕДИКАТА ПОГРЯЗАТЬ

© 2011 г.

С.Г. Павлов

Нижегородский государственный педагогический университет

sergeypavlov70@mail.ru

Поступила в редакцию 24.04.2011

Анализируется оценочный предикат *погрязать* как языковой индикатор этических ценностей общества.

Ключевые слова: аксиологический лингвистический анализ, ценность, ценностная языковая картина мира.

Языковая картина мира (ЯКМ) – созданный средствами национального языка образ действительности. Запечатленная в ЯКМ информация представляет собой уникальный по богатству и объективности источник сведений об этническом колорите культуры, мировоззрении народа и отдельных социальных групп. Методологически значимо то, что ЯКМ продуцируется не имманентными законами языка, а его взаимодействием с менталитетом и социокультурным контекстом. Данное обстоятельство диктует обращение к внутреннему миру человека и обществу. Культурогенное ядро любого государственно-цивилизационного проекта составляют ценности, поэтому внимание лингвистов к аксиологической стороне языка выглядит закономерным и даже запоздалым.

Ценности формируются на базе основных потребностей и культурных реализаций человеческой природы – религиозных, этических, общественно-политических (идеологических), интеллектуальных, эстетических, эмоциональных, физиологических и др. Совокупность рассредоточенных по языковым единицам оценок составляет специфический компонент национальной ЯКМ. Его изучение, на наш взгляд, призвано решать не только лингвистические, но и социальные проблемы – прогрессирующей релятивизации этики, культурной унификации, кризиса национальной идентичности, духовной, интеллектуальной, физической деградации народа и т.п. Ценностная языковая картина мира (ЦЯКМ) этноса коррелирует с системой конвенциональных установок, структурирующих речевое и ритуально-знаковое поведение человека. Методологическим подходом, максимально адекватным многомерности и сложности изучаемого предмета, является комплексное исследование, включающее лингвокогнитивное,

лингвофилософское и социолингвистическое изучение, дополняемое данными других научных дисциплин – литературоведения, культурологии, социологии, истории, этнопсихологии, этнографии, юриспруденции и т.п. Собственно филологическая реконструкция ЦЯКМ заключается в анализе языка и апелляции к религиозным, морально-этическим, юридическим и др. нормам, представленным в текстах различных жанров.

Язык фиксирует ценности посредством внутренней формы слов и выражений, пресуппозитивной, имплицативной и ассертивной семантики, системно-функциональных и контекстуально обусловленных признаков своих единиц. Кроме оценочно маркированных средств, язык располагает рядом безоценочных определителей ценностей (*ностальгия по, тоска по, любоваться, приглядеться* и т.п.). Класс референтов, составляющих дистрибуцию подобных слов, свидетельствует о вкусовых предпочтениях языковой личности в соответствующей области. Содержание этических суждений выработано в процессе коммуникативного сотрудничества на основе этноспецифической интерпретации «золотого правила»: «Поступай с людьми так, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой». Тем самым оценочный предикат морально-этической тематики выступает конденсатором духовной энергии народа и языковым проявлением его религиозно-нравственного чувства.

Ярким выразителем русской аксиологии является глагол *погрязать* – перен. «окончательно или надолго предаться чему-либо, быть обремененным чем-либо» (БАС). Словарная дефиниция отражает лишь интенсифицирующий компонент семантики, тогда как цели аксиологического анализа требуют различать в сочета-

емости глагола *погрязать* этически значимые и нейтральные референты – *грехи, пороки, ложь vs невежество, долги, ошибки*. Из-за прозрачности внутренней формы глагол легко сочетается со словами, называющими негативные и неприятные стороны жизни. Употребление его с положительными понятиями возможно только благодаря их контекстуальной пейоратизации: ... *А перед Европой деликатность, перед долгом европейского просвещения «деликатность», в которой мы выросли, погрязли до потери самостоятельной личности* (Ф. Достоевский)¹. В языке кодируются не реальные, а интерпретационные свойства предметов и явлений. Точкой отсчета языковой оценки является человек, речевая деятельность которого несёт неизбежную печать личностных факторов – от национальности до мировоззрения. Хотя валентность глагола *погрязать* открыта прежде всего на отрицательные дескрипции, описать им можно практически любую ситуацию. Однако степень узуальности принципиально неограниченного списка референтов существенно различается. Наиболее высока она в сочетаниях, где слитность компонентов приближается к предсказуемости языковых клише. А требующее контекстуального разрешения противоречие между коммуникативным намерением и языковыми конвенциями указывает на субъективизм оценки. Нетривиальный узус, отражая ограниченную личным опытом человека позицию, создаёт аксиологическую асимметрию. В типовом случае предикат негативно характеризует и субъект, и объект: *Х погряз в разврате*. При референтной вольности автора использование оценки мотивируется не свойствами предмета, а «злоупотреблением» им: ...*Теперь мы с ней ближе, чем с Олей, которая совсем погрязла в своем Петеньке и в своем Васеньке* (Б. Васильев). Конкретные люди вовсе не обязательно ответственны за то, что в них кто-то *погрязает*.

«Общепринятой» оценкой следует признать нормативное употребление без объяснительного контекста. Например, *страдание* такая же малопривлекательная вещь, как и *долги*, но высказывание **погрязать в страданиях* невозможно. Запрет снимается контекстом: *Он совсем погряз в своих страданиях, а работа не ждёт*. Однако ситуативно обусловленное употребление глагола *погрязать* не отменяет недопустимости описывать страдание средствами негативной аксиологии. К тому же без уточнения причины страданий и характера работы приведённое высказывание может показаться чересчур жёстким. В русской лингвокультуре не принято мотивировать упрек в излишне ин-

тенсивном переживании страданий экономическим ущербом. Более приемлемой будет фраза с упоминанием окружающих: *Х совсем погряз в своих страданиях и перестал думать о людях*. Даже если страдания ведут к моральному разложению человека, существует возможность его оправдания указанием «уважительной» причины: *С горя Х погряз в пьянстве*. Здесь скорее акцентируется слабость человека, чем его порочность, и жалость оказывается уместнее порицания. Интенция подобных высказываний реализует важнейший принцип практической философии русского народа – неприятие зла и сочувственную терпимость к его носителю.

Через призму глагола *погрязать* социальная стратификация предстаёт этическим феноменом, основное содержание которого – ценностный конфликт субкультурных ниш. Контекстуально независимыми пейоративами при глаголе *погрязать* являются слова, называющие безусловно ценные атрибуты жизни самых разных «элитных» групп – от богемной тусовки до политического истеблишмента (*деньги, роскошь, наслаждения*): *Вероятно, он совсем погряз в роскоши и перестал управлять страной* (Д. Быков). Излишества в ЯКМ расцениваются как недопустимые крайности, а скромность достатка считается нормой. Нищета сама по себе не порок, но нежелательная крайность, которая доводит до порока: *По-моему, если человек низкого звания помогает бедным, то он гораздо благороднее какого-нибудь Чаликова, который погряз в нищете и пороке* (А. Чехов). В НКРЯ, где велик удельный вес текстов русской классической литературы, не зафиксировано ни одного случая *погрязания* в *бедности* и *богатстве*. А в современных интернетовских текстах глагол *погрязать* активно сочетается с данными словами, что можно объяснить повышением уровня жизненных притязаний и раздражением на богатых людей. Видимо, на фоне чужого богатства, воспринимаемого как роскошь, собственную бедность человек видит нищетой.

Несмотря на то, что желательные для россиян потребительские стандарты приближаются к западным образцам, язык очевидным образом препятствует прагматизации ценностных установок и образа жизни. В списке ценностей «благосостояние» занимает высокое 5-е место, опережая «социальный порядок», «настоящую дружбу», «свободу», «верность», «самоуважение», «интеллект», «уважение родителей» и др. [1, с. 242]. Но именно относящееся к благосостоянию дискредитируется глаголом *погрязать* – примеры из НКРЯ обнаруживают разнообраз-

ный спектр понятий, отвергаемых русской культурой: *погрязают в коммерции, вещизме, бизнесе, частнособственнических инстинктах, мещанстве, буржуазном комфорте*. Антагонизм языка определённой этической теории и национального языка замечен давно. Н.Д. Арутюнова, комментируя затруднения одного из основоположников утилитаристской концепции этики И. Бентама, пытавшегося отождествить пользу и благо, отмечает: «...То, что автор считает хорошим, язык квалифицирует как дурное» [2, с. 30]. В наивной этике языка сконцентрирована сама жизнь, сопротивляющаяся попыткам втиснуть живой опыт людей в прокрустово ложе теоретических схем кабинетного мыслителя. В нашем случае диссоциация результатов социопроса и языковых фактов объясняется условиями исторического бытия русского народа.

Через своеобразные культурные гены языка транслируется мировоззрение предыдущих поколений, а языковая семантика содержит пласты всех предшествующих культурных стадий. Наиболее наглядны в русской ЦЯКМ тысячелетие бытовавшие в народе православные представления о мире, человеке и смысле человеческой жизни. Это не означает, что ЦЯКМ является полной наивно-бытовой аналогией канонических положений церковного вероучения, но его вклад в русскую этическую концептосферу трудно переоценить. Прямо или опосредованно вся система оценок восходит к православию. В частности, многие русские, даже не будучи религиозными, стихийно живут по заповеди: *«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут»* (Мф. 6:19). В рассказе В. Шукшина «Алёша Бесконвойный» описан довольно распространённый в недавнем прошлом русский тип: *«Алёше нравилось, что у них (у его семьи. – С.П.) можно, например, занять денег – всё как-то повеселел в глаза людям смотреть»*.

Характерным идиоэтническим проявлением русского менталитета считается склонность русских «высказывать абсолютные моральные суждения и связывать моральные суждения с эмоциями» [3, с. 17]. Нравственная категоричность русского мышления обусловлена одним из его фундаментальных качеств – тяготением к осмыслению действительности в категориях этики. Чрезмерная забота об удовольствиях – телесном упокоении, комфорте, довольстве, не говоря уже о роскоши – представлена в русском языковом сознании как нравственно неприемлемая практика. В «Преступлении и наказании» Разумихин говорит Зосимову: «Ты нервная, слабая дрянь, ты блажной, ты зажирел и ни в

чём себе отказать не можешь, – а это уж я называю грязью, потому что прямо доводит до грязи». Учитывая славянофильские воззрения Ф.М. Достоевского и характер упомянутых его персонажей, можно утверждать, что это Россия говорит Западу. У самых разных российских авторов встречаются подобные идеи: *Порядочный человек не должен позволить себе погрязнуть в этих пуховиках* (И. Тургенев); *... Глуповцы... могут увлечься, могут принять средства за цель, полезную подготовку к делу за самое дело, и окончательно погрязнуть в бездне рыбных обедов* (М. Салтыков-Щедрин); *Слишком глубоко укоренилась в ней привычка видеть смысл личной жизни в идеальных благах, слишком много накопила она и положительных нравственных идей, чтобы ей грозила опасность погрязнуть в мещанском довольстве* (М. Гершензон); *Мне приходилось заниматься делами крупных советских и партийных работников, жён руководителей, погрязших в бриллиантовых интересах* (Ю. Алешковский); *о союзниках А.И. Солженицына: они забыли вкус лагерной черняшки, погрязли в посткаторжном благополучии, не хотят писать мемуаров, на него одного возложив миссию помнить и ненавидеть* (В. Сердюченко, НКРЯ). Данные контексты согласуются с результатами современного социопроса, где «потакание себе» отнесено к отвергаемой ценности [1, с. 242].

Даже предмет всеобщих устремлений, счастье, находится в русской ментальности под подозрением: *Счастье, в сущности говоря, у нас скверное слово, оно говорит тоже о каком-то наименьшем действии, о покое, о каком-то уюте...* (А.А. Ухтомский). Счастье слишком часто обнаруживает свою связь с индивидуализмом и философией эвдемонизма: *Так в этом счастье и погрязнешь навек* (Т. Набаткина). Счастливый часто забывает о проблемах других людей, включая своих благодетелей: *...Покуда вы неистовствуете, удовлетворяя свои прихоти, погрязаете в счастливом эгоизме, мните себя хозяйкой дома, я не сплю и поддерживаю вас под локотки* (Б. Окуджава). Русская формула счастья включает в него других: *Счастье – это когда тебя понимают; Живши для других, живёшь вполне для себя: вот истинное счастье, единственно возможное; другого нет* (П. Чаадаев). Индивидуализм же однозначно осуждается: *Они-де (византийцы. – С.П.) прельстились порочным духом капитализма коварного Запада, погнались за стандартами созданного им общества потребления и погрязли в индивидуализме* (С. Кортунов). Отметим, что *погрязли в индивидуализ-*

ме – элемент чужой речи. Но здесь важен сам факт использования инвективы, по мнению автора, характерной для его заочных оппонентов.

ЦЯКМ системна, и языковой факт связан с другими единицами языка, оценочными суждениями, скрытыми смыслами. В семантике предложения, помимо эксплицитно содержательной ассертивной части, выделяется имплицитное содержание пресуппозиций, импликатур и следствий (необязательный компонент), обусловленных фоновыми знаниями говорящих: *В поисках счастья женщине не обязательно открывать новые истины и погрязать в знаниях* (В. Конецкий). В пресуппозиции содержится установка житейского здравого смысла и опыта: знания не приносят женщине счастья. По наблюдению мужчин, женский *волос долог, да ум короток*. Выражение *женская логика* обозначает отсутствие таковой, и в затруднительных для мужчины случаях правило предписывает ему, посоветовавшись с женщиной, сделать наоборот. Импликатурой приведенного предложения является информация о культурно значимом распределении социальных ролей, отводящем функции производителя интеллектуальных ценностей мужчине (Ср. пушкинское *Не дай мне Бог сойтись на бале Иль при разезде на крыльце С семинаристом в жёлтой шале Иль с академиком в цепце!*). Логический вывод указывает на важнейшее предназначение женщины – быть матерью, воспитательницей детей и хранительницей домашнего очага.

При аксиологическом анализе необходимо учитывать и то, что языковая концептуализация, символически замещая предмет, не воспроизводит его реальных свойств. Язык нечувствителен к противоречиям и не стремится к точности научных представлений о действительности. Логически возможные конструкции остаются нереализованными, что может определяться не отношением к предмету, а спецификой языковой системы. Глагол *погрязать* не сочетается с конкретными существительными, обозначающими чувственно воспринимаемые предметы: **погрязать в сигаретах, *погрязать в стакане*. Сочетаемость с вещественными существительными допустима: *погрязать в пьянстве, водке, вине*. Но при отсутствии системного запрета некоторые клетки модели остаются незаполненными – **погрязать в табаке*. Снисходительное отношение к табаку вызвано экстралингвистическими причинами: курение осознаётся менее опасным видом (само)вредительства, чем пьянство. Пьянство чревато полной потерей личности, курение – лишь

физиологической деградацией индивида. Этим, видимо, и объясняется асимметрия – *погрязать в пьянстве vs *погрязать в курении*. Впрочем, исследователь святоотеческого учения Г.И. Шиманский находит курение безразличным и с нравственной точки зрения: «Ненужная, вредная и греховная привычка курения связывает человека, делает его своим рабом, обладает им и мучит его, ни минуты не даёт ему покоя. <...> Забывается при этом и любовь, забота об их (окружающих людей. – С.П.) здоровье (когда отравляется воздух табачным дымом). Немалые деньги, которые идут на табак, пускаются напрасно с дымом («в трубу»); а эти деньги должны бы пойти на насущный хлеб или быть, по евангельскому учению, достоянием бедных» [4, с. 179–180]. Очевидно, существуя на ценностно-генотипическом уровне культуры и общественного сознания, **погрязание в курении* пока не эксплицитировано в фенотипических единицах языка.

Глагол *погрязать* можно использовать в качестве неподкупного «арбитра изящества», поверяя им языковые и культурные инновации, например, новинку последнего десятилетия – *гламур*. Рекурсивность слова *гламур* и острота эмоциональной реакции на него показывают, что в русской концептосфере появился концепт, у многих вызывающий активное неприятие: *Неужели правы провинциалы, и москвичи погрязли в гламуре так, что не умеют и не хотят радоваться таким простым вещам, как полевые-луговые вольные, не отягощённые приметами цивилизации, цветы?* (<http://www.jollybunch.ru/blog/281/>); *Это не для всех. Это для души. Для нас. Думаю, поймут те, кому это близко. Для людей. Для их родителей, для тех, кто помнит войну, для тех, кто помнит дедов. Для тех, кто знает, чего стоит победа. И кто не погряз в гламуре, бабле* (о патриотической песне) (<http://acuramdxclub.ru/node/3248>); (обсуждение появившихся мужских салонов красоты) *...нынче народ погряз в гламуре и полностью отвлечён от главного в погоне за вторичным* (http://izhevsk.ru/forum_light_message/90/690185-m8136174.html); *В трилогии Скотта Вестерфелда «Уроды» мир будущего погряз в гламуре: безупречная красота возведена в культ, и любой, кто пытается сохранить свою индивидуальность, становится парией* (http://www.directx10.org/news/grezy_i_koshmary_chelovechestva_utopija_i_antiutopija/2010-04-10-72). Гламур как псевдоним предосудительной роскоши связывается ещё с урбанистической искусственностью и столичными вкусами, с лишённым живого чувства и возведённым в

культ эстетизмом, с феминизацией мужского поведения и гипертрофированным вниманием к мелочам. Закрепившись, такая оценка сделает гламур идеологическим банкротом. В противоположном случае престиж гламурного образа жизни во многом изменит её цели и без сомнения расширит список приемлемых для достижения социального успеха средств.

Предполагая друг друга, оценка и предскрипция порождают вечную проблему «Должного» и «Сущего». Через глагол *погрязать* для описания явления вводится этическая шкала, что моделирует мышление и поведение по предписаниям деонтической модальности. Система русских культурных приоритетов сформирована перфекционистским типом православной этики, мобилизующей на достижение идеала, устанавливаемого не рациональной теорией блага, а велением совести. В своей вершинной части перфекционизм содержит такие духовные и нравственные ценности, воплотить которые среднестатистическому человеку уже просто недоступно. Они действительно превышают духовные, психические и физиологические возможности наших современников. Но вместо традиционного в таких случаях покаяния светская этика отвергает святость и благочестие, ища спасения от душевного дискомфорта в облегчённых моральных кодексах, оправдывающих разного рода *«погрязания»*.

В социологическом плане аксиологический анализ представляет собой экономный и эффективный метод самопознания и диагностики духовно-нравственного состояния общества. Оценка реалии закрепляется за языковой единицей, аксиологическая маркированность которой манифестирует номинируемое явление как

ценностный выбор национальной культуры. Аккумулируя наиболее актуальный опыт предков, язык выступает «непреднамеренным воспитателем» народа (К.Д. Ушинский), индикатором его морального сознания, мерилom речевого и социального поведения. Не стоит преувеличивать роль языка, полагая, что сам факт русской речи может стать, например, препятствием для процветания ценностей гламура и консюмеризма. Но не следует и недооценивать его педагогический потенциал, нуждающийся, подчеркнём, в просветительской миссии лингвистов. Лингвоаксиологический мониторинг актуализирует в сознании носителей языка предписания веками проверенных традиций, что может стать руководящим ценностным ориентиром в эпоху дезориентирующего плюрализма, тотальной нестабильности и общесистемного кризиса человеческой цивилизации.

Примечание

1. Здесь и далее цитируется по источнику: Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс] <http://www.ruscorpora.ru>

Список литературы

1. Почебут Л.Г. Социальные общности: Психология толпы, социума, этноса. СПб.: СПбГУ, 2005. 284 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
4. Шиманский Г.И. Учение святых отцов и подвижников Православной Церкви о борьбе с главными греховными страстями и о добродетелях. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. 672 с.

AXIOLOGICAL ANALYSIS OF THE EVALUATIVE PREDICATE *ПОГРЯЗАТЬ*

S.G. Pavlov

The article examines the evaluative predicate *погрязать* as a linguistic indicator of the society's ethical values.

Keywords: axiological approach to the linguistic analysis, value, value-oriented picture of the world.